

Расстояние между ними казалось почти невыносимым. Шэнь Тинюань инстинктивно прикрыл глаза, затаив дыхание.

Если бы Вэнь Цинлинь мог видеть в этой темноте, он неизбежно заметил бы, как на шее мужчины судорожно пульсирует жилка — неопровержимое свидетельство той яростной борьбы, что развернулась между безудержным вождением и трещащим по швам рассудком.

Разумеется, ему до одурения хотелось сорваться, перейти грань прямо здесь и сейчас. И всё же он не смел. Иначе с чего бы Шэнь Тинюаню, прожившему с Вэнь Цинлинем в браке столько времени и переспавшему с ним не один десяток раз, ни разу его не поцеловать?

В его представлении поцелуй обнажал подлинную, глубокую страсть куда сильнее, чем близость. Возможно, потому, что при поцелуе нельзя зайти со спины и невозможно спрятаться за банальной физиологией.

Но сдерживаться становилось невыносимо. Особенно сейчас, в этой полутёмной, тесной пролётной клетке, где само присутствие Вэнь Цинлиня — даже его тихое, размеренное дыхание — действовало на Шэнь Тинюаня подобно пению сирен. Дурманило разум.

Кадык Шэнь Тинюаня судорожно дёрнулся. Спустя пару мгновений чаша весов окончательно склонилась в пользу искушения. Не в силах больше совладать с собой, он подался вперёд...

Ещё сотая доля миллиметра — и их губы соприкоснулись бы. Он наконец дотронулся бы до этих тонких губ, о которых грезил долгие годы.

Раздался тихий щелчок.

Лампочка под потолком вспыхнула, заставив тьму отступить.

От неожиданного света Вэнь Цинлинь зажмурился, его длинные пушистые ресницы вздрагивали. Шэнь Тинюань тут же вскинул ладонь, прикрывая его глаза от резких лучей, и одновременно с этим бесшумно отступил на шаг.

— Всё в порядке? — тихо спросил он.

В его голосе звучала лишь забота — от прежней истомляющей нежности не осталось и следа.

Вэнь Цинлинь чуть тронул губы улыбкой и кивнул:

— Да, всё хорошо.

Лишь пару секунд спустя Шэнь Тинюань опустил руку.

Вэнь Цинлинь открыл глаза и тут же встретился с его тёмным, непроницаемым взглядом. Они смотрели друг на друга, и в этой тишине между ними снова проскользнуло нечто едва уловимое, не поддающееся объяснению. Под ярким светом эта затаённая страсть замерла, не в силах ни скрыться, ни разгореться сильнее.

Наконец Вэнь Цинлинь лёгко усмехнулся, разрушая чары:

— Пойдём, пора обедать.

Отвернувшись, он продолжил спускаться по ступеням.

Шэнь Тинюань на мгновение задержал взгляд на его профиле и едва заметно перевёл дух. Впрочем, где-то в глубине души уже закипало глухое сожаление — о том самом поцелуе, сорвавшемся в последний миг.

То ли они оба ещё не успели опомниться от нахлынувшей чувственности, то ли просто не находили нужных слов, но дальше они шли в полном молчании. Лишь эхо их шагов размеренно отскакивало от стен.

И всё же...

Они продолжали идти рука об руку.

Словно случайно забыли разомкнуть пальцы, а может — по какому-то молчаливому согласию.

Только на выходе из лестничного пролёта на первый этаж, откуда доносился шум оживлённых голосов — посетители явно обсуждали работы Вэнь Цинлиня, — Шэнь Тинюань очнулся и первым мягко разжал ладонь.

[0051] Ощувив внезапное опустение в руке, Вэнь Цинлинь инстинктивно повернул голову.

Перехватив его взгляд, Шэнь Тинюань замялся и тихо объяснил, опасаясь неверного истолкования:

— Учитель Вэнь, сам-то я ничуть не против, но здесь слишком много народа. Наверняка полно твоих знакомых... Подумал, тебе может быть некомфортно.

Чего именно он мог стесняться? Разумеется, их связи.

Будь его воля, Шэнь Тинюань объявлял бы об этом на каждом углу, чтобы весь мир знал: Вэнь Цинлинь принадлежит ему. Однако желания супруга всегда оставались на первом месте. Если Цинлинь предпочитал скрытность, Шэнь Тинюань готов был держать дистанцию.

Поняв подтекст, Вэнь Цинлинь на миг замешкался. Он хотел сказать: «Я тоже не против», но... Заноза сорвавшегося поцелуя всё ещё сидела внутри, отравляя настрой. В итоге он лишь тихо отозвался:

— Понимаю. — И тут же сменил тему: — Господин Шэнь, есть какие-то предпочтения по поводу обеда?

— Давай где-нибудь поблизости, — мягко ответил Шэнь Тинюань. — Тебе ведь всё равно возвращаться во второй половине дня?

Вэнь Цинлинь кивнул и между делом поинтересовался:

— У тебя тоже свободен весь день?

Честно говоря, он и не рассчитывал, что Шэнь Тинюань проведёт здесь с ним целый день — думал, тот лишь заглянет на полчаса и умчится в офис.

— Сегодня никаких срочных дел, — буднично открестился Шэнь Тинюань.

Вэнь Цинлинь расспрашивать не стал. И, конечно же, не подозревал, что за этим «не занят» кроются перенесённые на завтра важнейшие переговоры и ворох дел, безжалостно сдвинутых на выходные.

В итоге они решили пообедать в ресторанчике традиционной хайчэнской кухни неподалёку от музея.

— Хозяин — коренной горожанин, — пояснил Вэнь Цинлинь. — Мы как-то заходили сюда с Тун Нином, он уверял, что готовят здесь исключительно аутентично.

— Раз блюда одобрены учителем Вэнь и господином Туном, вкус наверняка отменный, — кивнул Шэнь Тинюань.

В обеденный час заведение трещало по швам. Им, однако, улыбнулась удача: достался последний свободный столик на двоих, отгороженный изящной резной ширмой.

Когда официант подал чай и удалился, Шэнь Тинюань озвучил вопрос, покоящий ему весь путь:

— Учитель Вэнь, а когда у тебя проявилась куриная слепота?

Не ожидая, что супруг придаст этому такое значение, Вэнь Цинлинь ненадолго задумался и сухо ответил:

— В средней школе. Точную дату уже и не вспомню.

Единственное, что всплывало в памяти — тот вечер, когда он поздно возвращался домой после смены в чайной. Стемнело, и он, не заметив валявшийся прямо посреди дороги булыжник, со всего размаху полетел на землю. Лишь дома при свете лампы обнаружил, что сбил до крови локти и колени. С тех пор в его рюкзаке поселился маленький карманный фонарик.

Шэнь Тинюань слегка насупился:

— И с тех пор ты так и не показался врачу?

Ведь с тех пор прошло столько лет — почему же болезнь не отступила?

Вэнь Цинлинь замялся. Вместо прямого ответа он прикрылся чашкой и сделал пару глотков, пытаясь выиграть время, а затем неопределённо проронил:

— Ходил. Но, видимо, слишком поздно. Попил курс витамина А, как прописал окулист, толку не было — вот я и забил.

На этот раз умолк Шэнь Тинюань.

Он уловил фальшь в небрежных словах супруга. Фраза «слишком поздно» выдавала главное: в подростковом возрасте, едва появились симптомы, к врачам никто не обратился. Но ведь это противоестественно. Любой заботливый родитель, заметив у ребёнка подобный недуг, тут же помчится в клинику.

И тут Шэнь Тинюаня осенило: со дня свадьбы они ни разу не касались темы семьи.

Вспомнилось, как перед заключением брака он поинтересовался, нужно ли поставить в известность родных, на что Вэнь Цинлинь без колебаний отрезал: «Не стоит». С тех пор этот вопрос не поднимался.

Вот и сейчас допытываться было не к месту.

У взрослых людей всё именно так: разделить постель — дело нехитрое, а вот распахнуть душу куда сложнее.

Официант как раз начал приносить заказ, разряжая обстановку.

Едва за ним закрылась дверь, Шэнь Тинюань произнёс:

— Я наведу справки через знакомых, подыщу хорошего специалиста по сетчатке. Как только найду — сразу сообщу.

Вэнь Цинлинь снисходительно улыбнулся. За прошедшие годы он привык к своему недугу: пока в телефоне есть заряд и работает фонарик, особых неудобств куриная слепота не доставляла. Однако отвергать заботу супруга он не стал:

— Хорошо. Заранее спасибо, господин Шэнь.

Тема исчерпала себя, и за столиком вновь воцарилась тишина.

Отношение Вэнь Цинлиня к местной кухне оставалось двояким. С одной стороны, он привык к ней за десять лет: поступив в местный университет, он питался хайчэнскими блюдами и в студенчестве, и в магистратуре. С другой — еде явно не хватало той остроты и насыщенности, к которым он привык в сычуаньской кухне.

Сносно, но без искры.

Совсем как тот сорвавшийся поцелуй в темноте пролёта.

На десерт подали любимое лакомство горожан — хрустящие ушки, слоёное печенье в форме бабочек. В этом заведении его делали на славу: в меру сладкое, с восхитительной корочкой.

И всё же Вэнь Цинлинь ел без особого аппетита.

Расправившись с одной штукой, он осушил чашку, лёгким движением промокнул губы салфеткой и, заметив, что Шэнь Тинюань тоже отложил палочки, поднялся из-за стола:

— Пойдём? Нужно купить телефон, тут как раз рядом торговый центр.

Шэнь Тинюань пристально посмотрел на него и, кивнув, встал вслед за ним.

Вэнь Цинлинь уже собрался выходить из занавешенной ниши, но не успел отодвинуть ширму, как услышал за спиной низкий голос:

— Учитель Вэнь, постой.

Он обернулся:

— Что такое?

— У тебя на губе крошка от слоёнки.

— Где? — рассеянно переспросил Вэнь Цинлинь и непроизвольно провёл кончиком языка по губам.

Влажный розовый кончик языка мелькнул на миг, гибкий и невероятно мягкий.

От этого зрелища в голове мгновенно вспыхнула дикая, безумная фантазия: каково это — втянуть эту сладость в свой рот, с жадной, неистовствующей страстью терзать её и искушать...

Взор Шэнь Тинюаня мгновенно потемнел, наполнившись тяжёлой тенью.

Вэнь Цинлинь ничего не заметил. Не нащупав крошку, он опять потянулся за салфеткой.

Но в то же мгновение его пальцы накрыла широкая, сухая ладонь.

Шэнь Тинюань мягко остановил его движение. В его голосе прорезалась хрипотца:

— Учитель Вэнь... позволишь мне?

Вэнь Цинлинь замер. Внутри что-то ёкнуло — предчувствие скорой развязки, но он лишь молча кивнул.

Шэнь Тинюань и не думал браться за салфетку. Ладонь, только что касавшаяся тыльной стороны кисти, скользнула выше, бережно лёгши на худощавое плечо.

И в следующую секунду — под глухой гул заведения за перегородкой, в этом тесном уголке, сокрытом от чужих глаз, под оглушительный стук собственного сердца...

Шэнь Тинюань подался вперёд.

Впервые в жизни он дал волю жгучему голоду. Впервые сделал то, от чего так долго воздерживался, о чём грезил целых десять лет и что едва не сорвалось мгновение назад в темноте.

Он наклонился, чтобы накрыть своими губами губы Вэнь Цинлиня и наконец прикоснуться к

этой долгожданной сладости.

<http://bllate.org/book/20550/2134911>